

ДИАГНОЗ ВРЕМЕНИ И МЕСТА

Рассказы

ЛЮБОВЬ — КОЛЬЦО

Триптих

1. Дебют Дон Жуана

— Слово мамы — закон! — смеясь, кричит мамочка. — Не высовывайся в окно, сажа из паровозной трубы в глаз попадет!

За вагонным окном пролетают золотые леса и бурые горы — мое прекрасное будущее мчится мне навстречу.

1953 год. Мы с мамой едем в Сочи. Конец августа — лучшее время для отдыха на море, как говорит мама. Ей лучше знать, я-то на море еще не был. Мама работает в управлении железной дороги, инженером-экономистом, имеет право раз в год ездить бесплатно куда угодно. Вот она меня с собой и таскает. Позапрошлым летом в Москву на неделю ездили, прошлым — в Коктебель, а нынче — в Сочи. Нас в купе четверо — мы с мамой и всю дорогу пьющий («непросыхающий», как сказала мама) офицер с молодой женой Лялей. Мне эта Ляля нравится, и я ей, похоже, нравлюсь. И пусть она в два с лишним раза меня старше, это ничего не значит. Ей, конечно же, нравятся мои светло-карие прищуренные глаза, мои длинные пушистые ресницы. А еще ей нравится моя дерзкая мальчишеская улыбка, и ямочки на моих щеках, и мои светло-русые волосы. Я же не слепой, я вижу, как она, эта Ляля, то и дело жадно поглядывает на меня, словно кошка на сметану.

Мне всего десять лет, но я знаю в подробностях, как надо соблазнять женщин. Не знаю, откуда я это знаю, но я — знаю. Так слепой новорожденный птенец уже знает, как надо летать, так едва вылупившийся из икринки малек уже знает, как надо плавать.

Например, это будет в Москве, я знаю. Я приведу ее утром на Ленинские горы, скажу: я дарю тебе эту столицу, она — твоя. А потом, поздно вечером, мы придем с ней на Красную площадь, разопьем там бутылку шампанского — и она ошалеет от страсти и громко скажет, что готова отдаться вот прямо здесь, у Лобного места.

А еще это будет в Крыму, в Коктебеле, на холмах, окружающих бухту, на желтых холмах, пропахших полынью и жарким сухим ветром, где мы с ней будем пить красное вино, есть сыр, кислые лепешки и сладкий виноград, и я буду читать ей свои стихи негромким, чуть хрипловатым голосом, и ее дыхание будет все учащаться и учащаться, и наконец я над ней сжалюсь и улыбнусь снисходительно: так и быть, мадам, я весь ваш...

Это будет всегда и везде — и в лесах, и в садах, и в гостиничных номерах, и в чужих квартирах, и в служебных кабинетах, и в театральных ложах, и в просторных залах, и в тесных салонах автомобилей. Моя жизнь будет переполнена женской любовью, я это знаю, и все это сбудется очень скоро, я даже не успею по-настоящему повзрослеть. Даже сейчас все встречаемые девочки, девушки, женщины оглядываются и заглядываются на меня, хотя мне всего десять лет, но я вижу, я знаю, я чувствую, я слышу шуршание их смятенных мыслей: «Что за красавчик... с ума сойти... ну прямо ангел... маленький принц!...» Честнее всех пожилые тетки, старушки, бабки — они откровенно лезут и ластятся со своими слюнтявыми поцелуями и нашептывают бесстыдно, что из меня непременно вырастет Дон Жуан...

Скорей бы приехать в Сочи. Уж там я проверю на практике свои волшебные чары...

А пока вот приходится париться в этом купе, слушать пьяный храп спящего на верхней полке майора да играть в дурачка с мамой и скучающей Лялей. Я все время проигрываю, но меня это нисколько не огорчает — значит, мне повезет в любви, это ежу понятно.

Потом мама встает и отправляется в вагон-ресторан, чтобы купить там бутылку «Дюшеса». Мы с Лялей продолжаем играть вдвоем.

— Сыграем на желание? — предлагает Ляля, подмигивая зеленым глазом.

— Как это?

— Ну, проигравший должен будет исполнить желание победителя. Согласен?

— О'кей.

Мы играем, и я очень быстро проигрываю.

— Дурачок! — смеется Ляля. — Что ж, теперь выполняй мое желание... Та-ак. Хочу, чтобы ты меня поцеловал... В губы!

И смотрит на меня нахально, и нагло смеется. Думает, вероятно, что сейчас я покраснею, засмущаюсь... Как бы не так!

— Извольте, — говорю небрежно, обнимаю ее за шею, откидываю назад ее голову и крепко целую в губы, продолжая смотреть в вытаращенные зеленые глаза, полные ужаса и восторга.

— Ну, как? Нормально? — спрашиваю, отстраняясь.

— Нормально... — шепчет Ляля, а щеки ее пылают и губы дрожат. — Хочу еще...

— Хорошего понемножку! — смеюсь откровенно пренебрежительно. — А то как бы ваш супруг не проснулся и не взревновал.

— Да ну его, — вяло отмахнулась Ляля.

Она хотела еще что-то добавить, я видел по ее глазам, что она завелась, но тут вернулась мама с двумя бутылками «Дюшеса» и одну бутылку дала мне.

У Ляли был растерянный вид. Чтобы дать ей возможность прийти в себя, я вышел в коридор и стал любоваться на проносащиеся просторы, приглатывая «Дюшес» из горлышка.

Пусть мне всего десять лет, но я уже знаю, как буду жить дальше: я стану жить за счет женщин, которые будут рады меня содержать. А пока что я — дамский угодник, я угождаю всем — маме, бабушке, сестренке, угождаю училкам в школе, угождаю всем женщинам, которые влюбляются в меня с первого взгляда. Но скоро я изменю тактику. План моей жизни четко расписан: женщины будут ссориться, соревноваться в своем стремлении *мне* угодить. Они будут ухаживать за мной по скользящему графику, каждый день недели будет закреплен за одной из них. И вся моя жизнь станет нескончаемым парадом эротических аттракционов, каждый день будет насыщен радостью и любовью. Ну, а пока...

— Что, устал от женского общества? — прохрипел майор, подходя к моему окну с бутылкой пива в руке.

— Никак нет, товарищ майор. Просто дышу свежим воздухом.

— Ишь ты, бойкий какой. «Никак нет», — передразнил он меня. Потом жадно заглотил полбутылки пива, отдышался. — Уф-ф... Скорей бы приехать. Вы с мамкой тоже в Сочи?

— Так точно. Мы с мамочкой — в Сочи.

— Да ладно тебе кривляться, пацан. А то дам по башке бутылкой...

Я испуганно отшатнулся. Майор хрипло хохотнул:

— Ага, собздел? Не бойсь, пацан. Солдат ребенка не обидит.

— Вы же не солдат?

— Офицер — тем более... Что, нравится тебе моя Лялька?

Я опешил от вопроса. Неужто он видел, как я ее поцеловал? Значит, не спал, притворялся? Но ведь храпел же!..

— Не ссы, пацан, — майор больно хлопнул меня по плечу. — Лялька — стерва, но ты — молодец. Смачно ты ее... Я чуть с полки не рухнул.

— Да это мы так... в шутку... — пробормотал я, лихорадочно соображая, как бы уговорить его, чтобы не докладывал моей маме. — В карты играли, и вот...

— Лихой ты мальчонка! — восхищенно сказал майор. — Такой клоп, а уже чужих жен отбиваешь.

— Да что вы... как можно...

— И правильно делаешь! — яростно сказал майор. — Так и надо, хапай все, что плохо лежит! А я сам виноват: дрыхну на полке, пьяный, а жена молодая скучает... Так что, все верно, пацан. Продолжай в том же духе... Понял?

— По... понял.

— Только не с моей Лялькой, — перейдя вдруг на зловещий шепот, добавил он. — Договорились? А?... Отвечай, микроб!

— Конечно... договорились...

— Ну, дай пять!

Я протянул ему дрожащую влажную ладошку, он сжал ее до хруста своей железной пятерней и снова захохотал. Но в этом его хриплом хохоте не было радости и веселья, в нем были слышны отчаяние и хмельная тоска.

— Ты мне лучше скажи: что мне делать, пацан? — торопливо заговорил он вдруг, да так доверительно, что мне даже стало неловко. — Что мне делать, скажи?..

— Я не знаю... — смущенно пробормотал я, не понимая, о чем это он, лишь догадываясь, что майор имеет в виду свои отношения с женой. — Откуда мне знать?

— Ну, как мне заставить ее полюбить меня? — жарким шепотомдохнул он мне в ухо, обдавая прогорклым водочным перегаром. — Разве пил бы я так, если б она меня любила? А ведь мы совсем недавно женаты — и вот уже ничего не осталось... Куда все делось, пацан?!

Я опустил глаза.

— Зачем она со мной так? — продолжал он шептать. — Я ж не фраер, я не слабак, не дешевка. Я крепкий мужик, силу свою не пропил. Я со всеми чужими женами в нашем военном городке переспал. Ни одной не пропустил! И каждая была мною довольна... А эта... блядь! Я ж ее полюбил всерьез, по-настоящему, и женился по любви, не просто так, лишь бы с кем... А она ко мне — с прохладцей... Что делать? Как дальше жить?

Я пожал плечами.

— Эх, пацан... Эти бабы вытягивают из нас всё: сперму, деньги, здоровье, душу... Душу вытягивают — вот что главное! Все бабы — вампиры!

— Мне кажется, вы преувеличиваете, — осторожно возразил я, чтобы хоть как-то поддержать разговор.

— Ни хера я не преувеличиваю! — с тихой яростью огрызнулся он. — И за что мы их только любим? Они же, суки, не стоят наших слез!.. Любую бабу можно превратить в шлюху. Любую! Надо только ей хорошо платить. Начать с цветов, с подарков... А потом она войдет во вкус и сама будет требовать: еще! еще!.. Все они, падлы, такие!

— Нет, не все, — обиженно возразил я и сам удивился своей внезапной обиде. — Не все. Моя мама — не такая. Она честная. Она ждет, когда папа вернется с войны. И я тоже жду.

— Чего-о? — майор уставился на меня. — При чем тут твоя мама? И потом — война давно уже кончилась... Ну-у, пацан, ты меня удивляешь...

Я не смог выдержать его тяжелого взгляда и опустил глаза. Но я знал, что если он посмеет хоть одно плохое слово сказать о моей маме, я ему не прощу и не стерплю. Или бутылкой по голове ударю, или еще что. Уж не знаю, что сделаю, но я ни за что, никому, никогда не позволю оскорблять мою маму.

И майор не сказал ничего обидного о моей маме. Он лишь глухо выругался, сплюнул и зашагал пьяной походкой в сторону вагона-ресторана. А может, ему захотелось в туалет.

2. Дневник Дон Жуана

21 декабря 1961 года.

Сегодня Анфиса чуть не завалила меня на зачете по анатомии. Пришел к ней пересдавать в конце занятий, с кафедры все уже разошлись, мы с ней одни в кабинете.

Покажите, говорит, на этом черепе все отверстия височной кости. А потом: расскажите про мускулюс стерно-кляйдо-мастоидеус. Каковы ее функции и строение, и к каким костям она прикрепляется. Я, конечно, запутался, заврался. Очень плохо, гундит Анфиса, зачета вам не будет. Приходите в следующую сессию.

— Так меня же лишат стипендии! — говорю.

— А уж это ваши проблемы, заниматься надо лучше.

— Стоп-стоп-стоп! — говорю, оглядываясь. — Не пишите пока ничего в зачетку.

— То есть как это? — недоумевает Анфиса. — Вы же ничего не смыслите в анатомии!

— Смыслю, еще как смыслю, — вкрадчиво говорю, подходя к ней ближе, и кладу свои твердые пальцы на ее мягкие горячие плечи в крепдешинном платье (как мне нравится крепдешин! — у моей мамы точно такое же платье). — Вот же, вот же она — ваша мускулюс стерно-кляйдо-мастоидеус... — нежно-нежно поглаживаю. — Вот же, вот же она... Ну, пожалуйста, не отворачивайте свою грациозную головку... Вот же она — напрягается, ваша мускулюс...

— Как ты смеешь, подлец?! — возмущается Анфиса. — Я же тебе в матери гожусь!

— Так о чем и речь, — горячо говорю, прижимая ее к себе, — где же ваше материнское сочувствие, дорогая Анфиса Прокопьевна?

— Я сейчас закричу, — прошептала она, а сердце-то, сердце-то бьется прямо в мою подмышку, — что ты себе позволяешь, мерзавец?

— Да ладно уж вам, — говорю, прижимая ее к себе правой рукой, а левой — защелкивая задвижку на двери кабинета. — Ничего страшного... Сейчас вы мне поможете закрепить мои знания по анатомии... и поставите зачет...

— Этого не будет! — пискнула Анфиса. — Откуда в тебе такая уверенность, негодяй?

— У меня просто нет другого выхода, — жарко шепчу ей в ухо, расстегивая перламутровые пуговицы на ее крепдешинном платье, — тут уж одно из двух — или зачет, или мне бросать вуз...

— Почему?

— Да потому что, если я не сдам зачет, меня лишат стипендии. А без стипендии мне никак нельзя, не могу огорчить мою мамочку. Мы не выживем на одну ее зарплату... И потом — у мамочки большое сердце... она не переживет, если я завалю первую же сессию...

— Ах ты какой сердобольный! Лицемер!

— Да, я очень сердобольный... И я очень сочувствую вашему женскому одиночеству...

— Да с чего ты взял, что я одинока?!

— Тихо, тихо... Давайте переберемся сюда, на этот диванчик, здесь нам будет удобно... Вот так... А насчет вашего одиночества я угадал по вашим печальным глазам и по складочке, вот по этой вот горькой складочке возле рта, здесь вот, справа, и вот здесь... А сейчас мы займемся вашей пленительной анатомией... вашей нежной и сладкой анатомией... Да не напрягайтесь вы, ради бога, не надо так трепетать, вы же девочка, правда же?... или — девочка?! Вот так сюрприз! Да не плачьте, не плачьте, чего же вы плачете?

— Мне так стыдно... Ты будешь смеяться, что я в моем возрасте...

— Не буду смеяться, не буду! Честное комсомольское! Наоборот! Я буду гордиться, что я у вас первый!

— И ты никому не скажешь?

— Никому! Никогда! А ты... мне поставишь зачет?..

15 мая 1969 года.

Дернул же меня черт брать путевку в Чехословакию! Думал, тут все уже тихо, спокойно, как пишут в газетах, «процесс нормализации идет полным ходом», а на самом деле эти чехи на нас смотрят как на оккупантов, отворачиваются, на вопросы не отвечают. Знал бы, лучше бы в Болгарию поехал, предлагали ведь путевку на Золотые пески.

И Наталья, руководительница нашей группы, следит за каждым шагом. Гулять разрешает лишь парами, как в детском саду, и лишь поблизости от гостиницы. Ничего себе братская республика! О дружбе народов тут лучше не заикаться — сразу нарвешься: «К друзьям на танках в гости не приезжают!» Но я-то в чем виноват? Я простой врач-психиатр, приехал по турпутевке в отпуск. Почему я за наших дуболомов отвечать должен?

— Ты поаккуратнее выражайся, — строго одергивает меня Наталья. — Лучше держи язык за зубами.

— А что, донесешь? Отметишь в своем отчете? Ты же каждый вечер чего-то строчишь, я видел.

— Болтай поменьше! — возмущается Наталья. — Вот куда ты сейчас собрался?

— Как куда? Гулять! У нас же свободное время вечером...

— Одному нельзя.

— А мне не с кем. Все наши в гостинице сидят, пьют.

— И ты сиди.

— Тогда пошли со мной, — говорю. — А насильно не удержишь!

Наталья плюнула и пошла со мной.

Прогулялись мы с ней по вечерней Праге, по Вацлавской площади, выпили баночной «кока-колы» (я вкусил сей напиток впервые), потом зашли в магазинчик, где я купил для своей мамы замечательную брошь из чешского стекла. Даже строгая Наталья одобрила: хорошая вещь.

— Это ты невесте? — спросила, оттаяв.

— Нет, маме. Невесты у меня нет.

— А что так? Взрослый ведь мужчина — и не женат...